

отцов церкви. Символы нетрадиционные, таким образом, входят как бы контрабандой, но входят обильно и настойчиво.

Возьмем для примера притчу Кирилла Туровского «О белоризце и о мнишестве». По существу она вся представляет собой раскрытие различных символов небольшой (меньше одной страницы) вымышленной истории. В этой притче раскрывается значение около сорока символов. Из них только около десяти подтверждаются текстами священного писания.

Наиболее распространенные символы были изучены с точки зрения их происхождения и отношения к фольклору В. П. Адриановой-Перетц в ее книге «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947). Предстоит, однако, изучить некоторые вопросы, не рассмотренные В. П. Адриановой-Перетц: церковное и нецерковное в символической системе средневековья, многозначность символов и обратное — существование многих символов для одного и того же явления, мировоззрение, заключенное в символической системе средневековья, его отношение к средневековому богословию, с одной стороны, и как выражение некоторых естественнонаучных представлений — с другой. Интерес представляет отношение символа к аллегории, метафоре и сравнению (по-видимому, некоторые символы переходят с течением времени в метафоры и сравнения, служат чисто художественным целям). Большой интерес представляет вопрос о реализации символов. Формы этой реализации в литературном произведении могут быть чрезвычайно разнообразными: символ может быть назван, он может быть рассказан, он может быть показан или на него может быть сделан только намек. Он может быть преподнесен читателю в цитате или в пересказе. Наконец, крупный интерес представляет то, как изображается символ: как нечто реальное, существующее, проявляемое в самой действительности (через божественную волю или как-либо иначе), как нечто, заложенное в реальном явлении, как его тайный смысл или же как авторское толкование, не имеющее отношения к действительности, но лишь подаваемое автором для истолкования явления. В разные исторические эпохи здесь обстояло по-разному.

Средневековые системы абстрагирования, средневековый идеализм, при котором мир резко делится на духовный и материальный, божественный и человеческий, привели к существованию еще одного явления, на которое до сих пор не было обращено никакого внимания: это своеобразная бинарность художественного мышления. Средневековое сознание во всем замечало две стороны: духовное начало и материальное, божественное и человеческое. Все в мире может быть разделено надвое: душа и тело, грех и добродетель, жизнь и смерть, вечность и временность. На этом, как мы видели, зиждился средневековый символизм, средневековое стремление к абстрагированию. Но на этом же основывалось и очень частое в средние века бинарное построение стиля художественных произведений, создающее своеобразный ритм древнерусской прозы и приведшее отчасти к образованию в ней морфологической рифмы.

В самом деле, бинарность средневекового мировоззрения, постоянные противопоставления материального духовному, доброго злему, божественного человеческому и пр. вели к тому, что бинарность стала одним из излюбленных принципов синтаксического построения прозы: «Моисий же пол вод под твердию сказуеть, а Давыд превыши небес воду поведуеть»,²⁶ «овем в честь и славу, овем в студ и муку».²⁷

²⁶ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 341.

²⁷ Там же, стр. 347.